

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЧУВАШЕЙ В ТРУДАХ ИНОСТРАННЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XVIII ВЕКОВ

Статья посвящена анализу этнографических источников, содержащих сведения о чувашском народе (материальной и духовной культуре). Основное внимание уделено трудам иностранных путешественников XVI–XVIII вв.

Ключевые слова: этнография, источники, чувашский народ, Чувашия.

Как самостоятельная дисциплина этнография оформилась только в середине XIX в. Однако более или менее систематическое научное изучение народов России началось еще в XVIII в. Более того, З. Д. Титова считает, что история русской этнографии уходит в далекое прошлое и еще Нестор-Летописец дает интересный этнографический очерк славянских племен¹.

Первые попытки описания истории, жизни и быта чувашского народа связаны с XVI–XVII вв. Причем первыми исследователями зачастую выступали иностранцы – дипломаты, ученые, историки, путешественники.

В 1549 г. появился (и впоследствии неоднократно переиздавался) труд барона Зигмунда (Сигизмунда) Герберштейна (Херберштейна) «*Regum Moscoviticarum Commentarii*» («Записки о Московитских делах»). Этот австрийский дипломат и государственный деятель словенского происхождения дважды посещал Москву (в 1516–1517 и 1525–1526 гг.). Подготовленный им содержательный труд написан по материалам личных наблюдений и по данным, имеющимся в памятниках русской письменности. Зигмунд Герберштейн первым из иноземных писателей упоминает о чувашах, название которых и в русских летописях впервые встречается только под 1521 г.² Он сообщает некоторые особенности чувашской культуры, причем ряд сообщенных им сведений в других источниках не встречается и потому представляет чрезвычайную историко-культурную ценность. Здесь важен и сам факт первой фиксации в письменных источниках этнонима «Чувашия» (как территории, заселенной чувашами) и фиксации народа «чувашаши», который «весьма искусные стрелки» и «отличаются также и знанием судоходства»³.

В 1633–1639 гг. немецкий путешественник, математик, придворный секретарь и советник герцога Шлезвиг-гольштейнского

Адам Олеарий (Эльшлегер) совершил две поездки с голштинским посольством в Персию через Московию, итогом которых стали работы «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах» (1647) и «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (1656). Сочинения, «благодаря своей точности» (Н. П. Василенко)⁴, являются незаменимыми источниками по истории России, т. к. содержат важные сведения о народах, их нравах и обычаях, географии и истории страны и т. д. Прекрасный фактологический материал дают приведенные описания населенных пунктов, в частности Чебоксар. Обращает на себя внимание попытка Олеария транскрибировать название города буквами латиницы («*Sabakzar*»⁵), что позволяет соотнести название города с названиями, встречающимися на сохранившихся средневековых картах Поволжья венецианцев Франциска и Доминика Пицигани (1367 г.), фра-Мауро (1459 г.). По характеристике путешественника, город, как и другие волжские города, «построен из дерева»; сравнивая Чебоксары с Козьмодемьянском, Адам Олеарий констатировал, что по расположению и застройке Чебоксары «местоположением удобнее и дома в нем красивее»⁵. Обращают на себя внимание сделанные Олеарием замечания политического характера. Так, по оценке советника голштинского посольства, в Чебоксарах, «...при воеводе имеется много русских солдат на тот случай, если покоренные татары захотели бы возмутиться»⁶.

В дальнейшем Олеарий говорит о «черемисских татарах» (под которыми, по мнению исследователей, надо понимать чуваш⁷), которые «...живут по обе стороны Волги, большей частью в простых избах, питаются скотоводством, медом и дичью, являются превосходными стрелками из луков и даже

детей приучают заблаговременно к этому»; «...когда ребенку у них исполняется полгода, они определяют особый день, когда ребенок должен получить имя. Кто в этот день раньше всего зайдет к ним или пройдет хотя бы мимо, того имя и получит дитя». Встречаются у Оллария и наблюдения теологического характера: так, говоря о «живущих вокруг Казани» язычниках, он констатирует, что «...большинство из них верит, что имеется бессмертный Бог, который творит людям на земле добро и которого поэтому нужно призывать. Однако, что он собою представляет и как он желает быть почитаем, этого они не знают. Они не верят в воскресение мертвых или в новую жизнь после здешней. Они полагают, что со смертью человека, как и со смертью скотины, все кончается»⁸.

В 1664 г. в составе голландского посольства в Москву прибыл и прожил там один год юрист по образованию, бургомистр Амстердама по занимаемой должности Н.-К. Витсен (1641–1717), который в 1692 г. на родине издал книгу «Noorol en oost Tartaye» («Северная и Восточная Татария»). Автор замечает, что недалеко от Казани живет маленький татарский народ, который называется Тзоewachi, однако каких-либо этнографических и других сведений Витсен не приводит⁹.

В историю развития этнографической науки о чувашах следует внести и «пленного шведского офицера Табберта (1676–1747), известного в литературе под именем Страленберга»¹⁰, который в 1730 г. выпустил объемную книгу «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...» (Stockholm, 1730, перевод на русский осуществлен в 1738 г.). По оценке Н. Катанова, «...и археолог, и историк, и этнограф найдут в книге Страленберга кое-что по своей специальности. Особый интерес в этой книге представляет “Gentium boreo-orientalium vulgo Tatarorum harmonia linguarum”, словарь с переводом 60 обыденных слов на языки разных народов Сибири и Поволжья, в том числе на чувашский»¹¹. Правда, графа «Чувашский язык» в словаре Страленберга была заполнена частично: только для первых 10 числительных и 28 имен существительных, что явилось следствием потери одной из записных книжек, в которую были занесены лексические материалы¹². По оценке В. Г. Егорова, небольшой лексический материал чувашского языка, содержащийся в словаре Страленберга, «...особой научной

ценности, конечно, не представляет, но он имеет значение как первая по времени попытка познакомить тогдашний ученый мир с почти неизвестным до того времени языком»¹³. Аналогичную точку зрения высказывает и М. Р. Федотов, связывая «...непосредственно с именем шведского ученого Ф. И. Страленберга» «зарождение науки о чувашском языке» и отмечая при этом как одно из несомненных достоинств причисление шведским ученым чувашского языка к тюркским языкам¹⁴.

Гораздо более богатые сведения по этнографии чуваш содержатся в труде уроженца немецкого города Тюбингена Иоанна Георга Гмелина. Ученый-натуралист, доктор медицины, профессор химии и натуральной истории Санкт-петербургской академии наук посетил Казанскую губернию в октябре-декабре 1733 г. и оставил этнографические сведения о татарах, черемисах, вотяках и чувашах, которые вошли в один из томов его труда «Reise durch Sibiren» («Путешествие по Сибири»)»¹⁵.

Краткие его сведения касаются статистических сведений о численности чувашского народа («в Чебоксарах местным воеводой была сообщена цифра чуваш: в округе Чебоксарском их было более 18 тысяч, в Козмодемьянском более 10 т., в Цивильском – свыше 12 т., в Свияжском более 60 т. и в Кокшайском свыше 400 т.»), интерьера жилищ, образа жизни («чувашаи народ очень бережливый и по этой причине не употребляющий водки», «известны они как искусные конокрады», а «от двух позванных с рынка чуваш» ученые узнали, что чувашаи не работают по пятницам). Однако основное внимание в труде Гмелина уделено описанию религиозных верований и обрядов чувашей – в частности, обряду жертвоприношения, институту йомзей, некоторым аспектам поклонения богам («...чувашаи чтут одного бога – Тора. Но почитают святым и солнце, которому совершают моления. Есть у них и другие боги, которых они сравнивают со святыми христиан. Каждая деревня имеет своего собственного божка»)»¹⁶.

Другой представитель Германии (уроженец города Герфорда) Герард Фридрих Миллер (1705–1783), историк. В 1725 г. приехал в Россию и участвовал в 1733–1743 гг. в Первой Академической Великой Северной экспедиции.

Из огромного числа собранного материала, касающегося языков исследуемых народов, в Российском государственном архиве древних

актов хранится более 30 лексиконов разных народов, в том числе и словарь чувашского языка.

Но особый интерес для изучения чувашской культуры представляют статьи «Описание сибирским народам вообще с приобщенным к оному особливим известием о живущих около Казани языческих народах и с показанием, что при описании народов примечать должно» (к сожалению, статья осталась неопубликованной) и «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков, с показанием их жительства, политического учреждения, телесных и душевных дарований, какое платье носят, от чего и чем питаются, о их торгах и промыслах, каким языком говорят, о художествах и науках, о естественном и вымышленном их языческом законе, також о всех употребительных и у них обрядах, нравах и обычаях; с приложением многочисленных слов на семи разных языках, как-то на казанско-татарском, черемисском, чувашском, вотяцком, мордовском, пермском и зырянском, и приобщенным переводом господней молитвы “Отче наш” на черемисском и чувашском языках»¹⁷.

Данный труд весьма богат по содержанию, является достаточно полным оригинальным описанием чувашей, марийцев и удмуртов, дающим верное изображение их самобытной культуры. Особое внимание Миллер уделил описанию женского костюма (головных уборов, рубаш), пищи (здесь же упомянуто и о редких случаях курения чувашскими мужчинами табака) и промыслов (помимо традиционного земледелия, отмечено умение стрелять «из винтовок, которые заряжают пулями величиною меньше горошины»), что, несомненно, является ценным историческим свидетельством об элементах материальной культуры¹⁸.

Исследователь зафиксировал схожесть чувашского языка с татарским, определил некоторые области расселения чувашей и показал различия в языке в зависимости от территории проживания той или иной группы чувашского народа.

Н. В. Никольский называет работу Миллера «...самым выдающимся трудом 1-й пол. XVIII в.»¹⁹. Если принять во внимание состояние этнологической науки того времени, то следует признать, что этнографические и исторические труды Г. Ф. Миллера стоят на весьма высоком уровне и стали «...чуть ли не катехизисом для

последующих авторов, которые все нужные сведения о народностях Поволжья и языке их черпали из книги Миллера»²⁰.

Значительный материал по этнографии чувашского народа содержится в сочинении Петра-Симона Палласа, возглавлявшего Первую Оренбургскую экспедицию (1768–1774 гг.). В ходе этой экспедиции весьма за короткий срок были собраны ценные материалы – богатейшая коллекция одежды и украшений чуваш, марийцев, мордовцев и татар.

Все наблюдения и уникальные зарисовки, относящиеся к общественному устройству, семейным обычаям, бытовым обрядам, материальной культуре упомянутых народов обобщены и представлены в труде П.-С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи».

Здесь можно найти сведения о праздниках и обрядах, свадебных обычаях, об «обыкновенном одеянии чувашского женского пола», «одеянии девиц», причем путешественник проводит параллели между чувашскими, татарскими и мордовскими одеждами²¹.

Паллас одним из первых отмечает наличие двух этнографических групп чуваш – «перял» и «хирдиял» («живущие по левую сторону Волги в степях чувашане всем на гористой стороне находящимся деревням придают название перял, а сами себя хирдиял называют»²²). Обращает на себя внимание термин, используемый Палласом для определения чувашского народа – «чувашане». Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в ученом сообществе того времени еще не было выработано единого терминологического обозначения чувашского народа: так, уже рассматривавшийся выше Г. Ф. Миллер использовал термин «чуваша», а А. М. Курбский называл их «чуваша».

Одновременно с П.-С. Палласом изучением народов Поволжья занимался уроженец Швеции Иоганн Петр Фальк (1725–1774). Медик по образованию, он возглавлял (до конца 1771 г.) 5-ю Академическую Оренбургскую экспедицию 1768–1774 гг.

К сожалению, обработать полностью собранный материал он не смог, и завершил эту работу И. Г. Георги, подготовив записки Фалька к изданию на немецком языке. На русском языке «Записки путешествия академика Фалька» вышли в свет в двух последних томах «Полного собрания ученых путешествий по России» в 1824–1825 гг.

Фальк отмечает общие черты в материальной и духовной культуре, а также сходство хозяйства, жилищ, одежды, пищи, быта и культуры поволжских народов и русского народа. Исследователь приводит также русско-мордовско-татарско-чувашско-марийско-удмуртский словарь названий сельскохозяйственных культур²³, возделываемых в Среднем Поволжье, и названий животных, здесь разводимых, некоторые статистические сведения о численности податного населения мужского пола, в том числе и чувашского по ревизии 1763 г.

Еще одним участником Академических экспедиций 1768–1774 гг., оставившим заметный след в изучении истории и этнографии чувашского народа, был уроженец немецкого города Вахгольцхагена Иоганн Готтлиб Георги (1729–1802). В 1768 г. он участвовал в экспедиции П.-С. Палласа, в 1770 г. был назначен в помощь профессору И. П. Фальку в 5-ю академическую экспедицию, предназначенную для изучения Оренбургской губернии.

Георги во время своего путешествия по Волге и пребывания в Казани собрал значительный материал по этнографии народов Поволжья – чувашей, марийцев, мордвы, который включил в «Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», опубликованное в трех частях в 1776–1777 гг.

И. Г. Георги ошибочно причислял чувашский язык к «от финского происшедшим», отметил, что «...хотя они много язык свой смешали с татарским, однако ж, при всем том, прародительское наречие, также одеяние, нравы, обычаи и суеверия удержали». Исследователь констатировал, что чувашаи «...всяма походят на черемис по телесному виду, по нравственным качествам, по расположению деревень, по сельским распорядкам, по состоянию жилищ, по употребляемой ими в домашнем своем быту утвари, по расположению хозяйства и жизни, имению и податям, также по мужским и женским упражнениям»²⁴.

Георги приводит первую классификацию отмечаемых чувашами празднеств: он разделяет праздники на «кереметные» (или общие), к которым относит жертвоприношения, и на «семейственные», к которым причисляет родильные, свадебные и похоронные обряды. Подробное описание одежды (мужской и

женской), свадебного обряда и обряда погребения усопших, бытующих элементов языческих верований (в том числе и посмертного «состояния человеческого») являются уникальными по своей полноте²⁵.

Оценивая вклад иностранных дипломатов, путешественников и ученых в изучение этнографии чувашского народа, следует отметить, что во многом благодаря их путевым заметкам, оставленным описаниям и характеристикам до наших дней дошли ценные сведения об антропологическом типе и языке, материальной и духовной культуре, быте и верованиях и т. п. Конечно, информационная составляющая одних материалов (прежде всего, это касается заметок дипломатов) довольно лаконична, для других (для путевых записей ученых) характерно действительно этнографическое описание. Необходимо отметить, что труды проанализированных авторов в последующем послужили базой для новых исследований, высказанные точки зрения (например, на принадлежность чувашского языка к той или иной языковой группе) породили дискуссии, в ходе которых и кристаллизовались современные оценки и представления. Вместе с тем нельзя преувеличивать вклада иностранных авторов в изучение этнографии чувашского народа. Зарубежные путешественники смотрели на чувашей как на «экзотическое явление»²⁶ и не всегда сообщаемые ими сведения в последующие годы находили подтверждение.

Примечания

¹ Титова, З. Д. Этнография в деятельности Русского географического общества. 1845–1917. Л., 1953. С. 1.

² Полное собрание русских летописей. Т. XXIV. С. 218.

³ Герберштейн, С. Записки о Моковитских делах // Хрестоматия по культуре Чувашского края. Дореволюционный период / под ред М. И. Скворцова. Чебоксары, 2001. С. 66–67.

⁴ Василенко, Н. П. Оларий А. // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Эфрона. Т. XXI^А. СПб., 1897. С. 856.

⁵ Оларий, А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 411.

⁶ Оларий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обрат-

- но // Хрестоматия по культуре Чувашского края. С. 78–79.
- ⁷ См.: Хрестоматия по культуре Чувашского края. С. 83.
- ⁸ Олеарий, А. Описание путешествия в Московию... С. 80.
- ⁹ Витсен, Н. К. // Исследователи Чувашского края : библиогр. указ. / сост.: Николаева Э. Г., Никитина Н. Д. Чебоксары, 2002. С. 10.
- ¹⁰ Рубинштейн, Н. Л. Русская историография. М. : ОГИЗ : Госполитиздат, 1941. С. 61.
- ¹¹ Катанов, Н. Швед Филипп-Иоганн Страленберг и труд его о России и Сибири (начала XVIII в.) // Изв. ОАИЭ. 1903. Т. XIX, вып. 2. С. 174.
- ¹² Кононов, А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972. С. 51.
- ¹³ Егоров, В. Г. Чувашские словари XVIII в. // Зап. НИИЯЭЛиИ. Вып. 2. Чебоксары, 1949. С. 112.
- ¹⁴ Федотов, М. Р. Исследователи чувашского языка. Чебоксары, 1987. С. 4, 6.
- ¹⁵ Гмелин, И. Г. Путешествие по Сибири : в 4 т. Геттинген, 1751.
- ¹⁶ Харлампович, К. Известия И. Гмелина о Казани и о казанских инородцах (1733) // Изв. ОАИЭ. 1903. Т. XIX, вып. 5–6. С. 272–274.
- ¹⁷ Миллер, Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791. 109 с.
- ¹⁸ Там же. С. 19, 22–24.
- ¹⁹ Никольский, Н. В. Краткий обзор работ по этнографии чуваш // Никольский, Н. В. Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. Чебоксары, 2004. С. 410.
- ²⁰ Егоров, В. Г. Чувашские словари XVIII в. // Зап. НИИЯЭЛиИ. Вып. 2. Чебоксары, 1949. С. 115.
- ²¹ Паллас, П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи : в 3 ч. Ч. 1. СПб., 1773. С. 144.
- ²² Там же. С. 145.
- ²³ Записки путешественника академика Фалька (1768–1774) // Полн. собр. ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук : в 7 т. Т. 6. СПб., 1824. С. 185–190.
- ²⁴ Георги, И. Г. Чуваша // Хрестоматия по культуре Чувашского края. Дореволюционный период. С. 173.
- ²⁵ Там же. С. 174–178.
- ²⁶ Каховский, В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 2003. С. 41.